

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА СТРАНЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

А.Д. Карнышев (Иркутск)

*Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-06-00903
«Этнопсихологические ресурсы формирования межкультурной
компетентности студентов с учетом особенностей регионов
(на примере Восточной Сибири и Забайкалья)»).*

Аннотация. Стремление России все больше интегрироваться в экономическую, политическую и т.д. жизнедеятельность стран АТР требует «настройки» соответствующих механизмов, что весьма трудно сделать без формирования межкультурной компетентности основных субъектов, вовлеченных в данный процесс. В первую очередь формировать межкультурную компетентность необходимо у подрастающего поколения. Наиболее частые и значимые контакты с представителями стран АТР будет иметь население восточных регионов России, и им прежде всего надо готовиться к соответствующим контактам. Важно иметь в виду, что у аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока имеются не только общие психогенетические связи с населением ряда стран АТР, но и наличествуют близкие традиции и ценности в социальных и религиозных сферах. Все это может стать важным ресурсом при формировании межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие; различие культур Востока и Запада; аборигенные народы Сибири.

Анализ более-менее масштабных особенностей межкультурного взаимодействия разных народов имеет в своем содержании такую известную реалию, как наличие и повсеместное признание различий «восточной» и «западной» ментальности и, соответственно, значительного числа «нестыковок» в житейских и научных понятиях и позициях. Чтобы эффективно контактировать в разных сферах, обеим сторонам важно обоюдно отражать то, «что сходится и что расходится». Как отмечают современные исследователи и практические работники, население Востока, благодаря всемирному распространению европейских книг, фильмов, передач и т.п., заметно лучше информировано о Западе, чем их европейские и северо-американские «собратья» – о культуре, традициях и особенностях жителей азиатских стран [2. С. 5].

Данный «перекос» распространен в большинстве сфер науки и практики, включая психологию. В последней он дополняется различиями в методологическом подходе к анализу человеческих проблем. «Психологическая ветвь» в восточной традиции изначально строилась своеобразно и отличалась духовной глубиной. Нельзя не признать достаточно обоснованным следующее мнение: «Если на Западе психология – автономная научная дисциплина, лучшие представители которой сопрягают ее с рядом различных отраслей знания, то на Востоке психология изначально была интегрирована в общее Знание о природе и человеке. И такому Знанию, можно смело утверждать, были доступны пока еще не достижимые для западной науки духовные глубины человека» [5. С. 11].

В свое время косвенно правоту данной мысли признал К. Юнг. Он не только, как считается, положил в основу своей аналитической психологии некоторые положения буддизма и тибетских трактатов, но и подчеркнул психодуховную специфику типичных представителей Востока и Запада (см., например, [7]). В частности, он утверждал, что первые по своему складу более углублены в себя, а вторые – чаще экстраверты. С той поры, когда прозвучало данное утверждение, прошло немало времени, категоричность этого предположения стерлась, но все же характерные особенности людей из названных регионов постоянно фиксируются в деловом и межличностном общении. Для значительно числа жителей нашей страны многие практические феномены восточной психологии остаются неизвестными. И поскольку контакты россиян, особенно из сибирских и дальневосточных территорий, с представителями таких стран, как Китай, Корея, Япония, Таиланд, в настоящее время расширяются быстрыми темпами, данную слабость хотя бы определенным категориям «контактеров» надо преодолевать как можно быстрее.

Чтобы кратко охарактеризовать возможные варианты взаимодействия в данном направлении, остановимся на некоторых результатах форума АТЭС (азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества), прошедшего в начале сентября 2012 г. во Владивостоке. Напомним, АТЭС состоит из 21 страны, омываемой Тихим океаном или морями его акватории. На них приходится 42% населения планеты и 55% глобального валового продукта. С высокой степенью вероятности можно предположить, что в наступившем столетии именно в этот регион сместится центр мировой политики. Россия здесь не должна остаться на обочине. На форуме российские политики делали попытку вернуть стране *звание* великой тихоокеанской державы. Но для этого, несомненно, нужен масштабный проект нового освоения всей Сибири с серьезными экономическими, социальными, этническими и другими аспектами. Реализация проекта, ориентированного на успешное экономическое сотрудничество, возможна только с учетом азиатского

опыта. Здесь полезно вспомнить, что один из первых исследователей кросскультурных факторов успешности производственных компаний Г. Хофстед наряду с четырьмя наиболее значимыми в данном плане измерениями (коллективизм – индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность – фемининность) в азиатских компаниях выделил еще один, названный им сначала **конфуцианским динамизмом**, затем **долгосрочной ориентацией**. Скорее всего последний фактор будет весьма значимым для россиян и в их непосредственном взаимодействии с народами, соседствующими на Востоке, и во внутреннем развитии. Поэтому межкультурная компетентность (далее МК), ориентированная на страны АТР, может стать весьма востребованной не только для внешнего взаимодействия, но и для внутреннего развития России.

Если говорить о современных позитивных тенденциях в области формирования МК, ориентированной на Восток, то их хорошо проиллюстрировали и материалы форума АТЭС, которые связаны с вовлечением молодежи в совместные проекты. В организации высшего образования они коснулись конкретных мер:

– подписание намерений и подтверждение желаний и готовности стран АТР развивать сотрудничество в сфере образования;

– этим путем добиться прежде всего взаимного признания учебных программ вузов региона (студенты смогут, скажем, поехать учиться в Японию, Австралию, Чили или любую другую страну, чья экономика входит в зону АТЭС, а преподаватели и ученые получают возможность обмениваться опытом с зарубежными коллегами *вживую*);

– обмен информационной базой, связанный с разными аспектами учебного процесса (университеты, заключившие между собой соглашения, получают доступ к единым базам данных студентов, преподавателей, образовательных программ. Такой порядок позволит изучать часть предметов в одном вузе, а часть – в другом, где их преподают лучше);

– для российских вузов это еще и поиск направлений предметов, которые продемонстрируют научную и практическую компетентность нашего образования: например, ресурсы Мирового океана, биотехнологии, наноматериалы и т.п. (для Байкала это школа водолазов для глубинных спусков в пресных водах, изучение эндемиков Байкала и т.п.).

Перенеся проблему формирования МК в целом и прежде всего у молодежи на психологический уровень, можно сказать, что стоит задача выявить своеобразие этнофоров (отдельных субъектов) азиатских народов и их сообществ, которое (своеобразие) нуждается в обязательном учете при непосредственном взаимодействии. При этом важно подчеркнуть следующие обстоятельства. Во-первых, знание россиянами как в западных, так и в восточных областях страны соответствующих языков крайне ограничено, и каких-либо радужных перспектив здесь не предвидится. Дело в том, что межкультурную компетентность

стали естественно увязывать со знанием языков: чем больше языков знает человек, тем он компетентней. Это легко проиллюстрировать на поведении и деятельности дипломатов, политиков, деловых людей, связанных с транснациональными корпорациями, и т.д. Изучение иностранных языков порой считают одним из основных способов воспитания межкультурной компетентности (и с этим при наличии адекватных условий и методик трудно поспорить). Но если мы возьмем, к примеру, практического психолога, которому в силу профессиональных функций приходится вступать в контакты с людьми разных национальностей, то критерий знания языка фактически проблематичен хотя бы по двум обстоятельствам: а) уровень усвоения иностранных языков минимум у 50–70% профессионалов крайне низок; б) сегодня уже невозможно знать языки всех тех народов, с которыми приходится взаимодействовать как самому психологу, так и, например, бизнесменам, туроператорам, государственным и муниципальным чиновникам, полицейским разных уровней, сотрудникам ГИБДД и т.д. Знание языков, как считают некоторые ученые и практики, может даже сдерживать развитие межкультурной компетентности по отношению к представителям других культур. Знать язык в полной мере – значит мыслить на нем машинально. Это возможно, когда впитываются соответствующие стереотипы и алгоритмы мышления. Например, при изучении западно-европейских языков это могут быть установки индивидуализма и эгоизма. И разговор с коллективистом для такого «носителя» языка и ментальности становится труднее. Даже по такого рода причинам можно уверенно сказать, что межкультурная компетентность и знание языков – это далеко не всегда однозначно коррелирующиеся величины. Если это касается конкретного человека, приезжающего в конкретную страну, тут споров быть не может. Если же это относится к лицам, сотрудничающим со многими этнофорами, – оптимальный ответ вряд ли найдется.

Перечисленные факты позволяют говорить о том, что взаимопонимание в житейских сферах зачастую может и должно быть детерминировано не столько знанием языков, искусством переводчиков, сколько готовностью отечественных субъектов контактов осознавать наиболее значимые этнокультурные особенности партнеров по коммуникации и демонстрировать уважение к их ментальности и традициям. К примеру, та же интровертированность восточного человека, отмеченная К. Юнгом, должна предстать в сознании российского контактера в своих конкретных проявлениях, желательна во взаимосвязи со страной пребывания. Все это делает задачу формирования межкультурной компетентности инновационной, требующей для решения наряду с традиционными средствами способностей ее субъектов ориентироваться по перспективным векторам и преодолевать возникающие барьеры [3, 4].

Во-вторых, Россия всегда считалась и считается находящейся «на стыке» восточной и западной культур, что, к примеру, ярко демонстрировалось в различных концепциях евразийства. В психологическом плане, особенно для выявления потенциалов межэтнического взаимодействия и преодоления возможных конфликтов, важно выявить, какие обоюдозначимые характеристики контактирующих народов заложены, например, на генетическом, ментальном и интеллектуальном уровнях. Ведь положительные из них могут и должны стать важным условием формирования МК. Например, к проявлениям «азиатскости» россиян уверенно можно отнести наличие долговременных позитивных тенденций в отношении к буддизму. Ведь именно царствующие особы (в 1741 г. Елизавета Петровна, а затем Екатерина Великая) утвердили его на территории России, надеясь на рост понимания с восточными соседями.

В-третьих (и учитывая предыдущее обстоятельство), позитивным моментом в освоении тонкостей взаимодействия с представителями восточных народов для российских субъектов можно назвать то, что у некоторых сибирских и дальневосточных этносов имеются исторически и генетически обусловленные факторы сотрудничества со своими азиатскими братьями. Это касается прежде всего бурят и тувинцев (родственников монголов), саха-якутов, малых народов Приамурья и т.д. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что, например, корейский и японский языки ученые относят к алтайской группе и находят у их носителей соответствующие ментальные и лингвистические параллели с лексикой и фонетикой некоторых азиатских этносов. К примеру, весьма близкой к традициям народов Центральной Сибири является у японцев практика сохранения своего рода придорожных «святилищ», где путники останавливаются и преподносят дары местным природным божествам, прося у них благословения и поддержки. Места эти в Сибири зачастую отмечены грудой камней или деревьями с навязанными на них ленточками из различных тканей. Название большинства данных святых мест у сибирских аборигенов звучит как обо(о). Интересно, что у японцев есть фестиваль Обон, или Праздник фонариков, проходящий в августе и посвященный почитанию духов предков. Если принять во внимание сигнальную сущность и груды камней и деревьев с определенными отметинами (они были своеобразными пометками правильности пути, установленными предшественниками), то в *обоо* и в *Обоне* ярко прослеживается благодарная память тем, кто жил и шел по дорогам до нас. И кросскультурный характер такой памяти – одна из существенных основ МК. Такие параллели в сознании и традициях российских и зарубежных народов уверенно можно делать одним из важнейших слагаемых взаимопонимания. Отсюда МК, ориентированной на зарубежные азиатские страны, в чем-то можно учиться и у аборигенных сибирских народов.

Выстраивая смысловые ориентиры статьи, оговоримся, что в понимании термина «межкультурная компетентность» мы отходим от слова «компетенция», которое в одном из своих значений трактуется как осведомленность в каком-либо круге вопросов, в какой-либо области знания. Уровень такой осведомленности можно определить на основе формальных показателей. В школе, вузе, у профессионалов компетенции нередко выявляются посредством тестовых заданий. Уровни осведомленности, соответствующих знаний можно оценить по шкале от высокой компетентности до некомпетентности, когда человек совершенно не информирован в вопросе, не может адекватно вести себя в ситуациях, где необходимы данные знания. Таким образом, уровень компетентности выявляется через формальные показатели знание – незнание, но компетентность также отражает способность человека к практической реализации данных знаний. В таком случае компетентность – это личностная характеристика, которая хоть и связана с какими-то нормативными критериями, но имеет собственный психологический фундамент. Мы говорим об искусстве межкультурного взаимодействия некоторых людей («у него это как божий дар»; «он отлично разбирается в этом на интуитивном уровне»), не полностью представляя истинные, возможно, подсознательные и даже психогенетические истоки такого уровня. Отсюда компетенция – понятие, больше связанное с формализованной информацией, а компетентность – с уровнем и механизмами психологического усвоения использования данной информации.

В плане формирования МК оба понятия составляют взаимосвязанные основы данного процесса. С одной стороны, МК как компетенция должна быть описана в конкретных «единицах», которые представляют собой необходимые знания, умения, навыки, нормы этикета. С другой стороны, на основе и при психологическом освоении формальных критериев нужно выделить уровни соответствующей компетентности, представить и сформировать их в виде психологических характеристик личности. И надо признать, что в образовательных учреждениях страны обе названные стороны внедряются в практику крайне редко. Тем более речь в вузовских программах даже «азиатских» вузов России не идет о формировании позитивной готовности взаимодействовать с зарубежными соседями (Китай, Монголия, Япония).

Об отношении жителей Байкальского региона к представителям конкретных азиатских народов могут свидетельствовать результаты нашего исследования. Мы предложили местным жителям ряда прибайкальских населенных пунктов ($n = 780$ чел.) выбрать представителей разных национальностей в качестве потенциального «гостя» в семейной гостинице. При этом варианты возможных ответов по смыслу были близки к известной методике Богардуса, определяющей социальную дистанцию с представителями разных этносов. Респонденты добро-

вольно и по своему выбору называли тех, кого они хотели бы или, наоборот, не хотели поселить в «собственную» гостиницу. Всего было названо свыше 20 представителей национальностей. Мы для иллюстрации взяли из них 2 «западных» и 3 «восточных «субъектов»: американцев указали и оценили 312 человек, англичан – 34, корейцев – 29; китайцев – 290; японцев – 252. Перспективы их возможного поселения в гостиницу выглядят следующим образом (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Возможность принятия туристов разных национальностей
в семейной гостинице**

Варианты мотивов возможного поселения	Соотношение вариантов по национальностям				
	амер.	англ.	кит.	кор.	япон.
Приняли бы с удовольствием	37,7	70,5	8,6	13,5	35,6
Приняли бы с некоторыми условиями	32,3	18,2	18,0	13,5	22,9
Приняли бы только по необходимости	20	11,3	20,5	16,2	25,4
Не приняли бы ни в коем случае	10	0	52,9	54,1	16,1

На наш взгляд, особых комментариев в рамках статьи таблица не требует. Налицо достаточно предубежденное отношение к лицам «восточных» национальностей, вызванное, по-видимому, совокупностью причин: давнее пренебрежение к людям с азиатской внешностью, груз идеологических установок (например, по отношению к Северной и Южной Корее), боязнь «тихой» экспансии и ощущение некачественной деятельности (в основном у китайцев) и т.д. Несколько в стороне от других азиатов стоят японцы, и это, несомненно, результаты восприятия их добросовестности и работоголизма, проявляющиеся в известных образцах электронной и автомобильной промышленности; отмечен определенный стереотип романтизма жителей Страны восходящего солнца.

В начале статьи мы уже говорили об алтайских корнях японского этноса. Вполне закономерно предположить, что данная реалья сказывается и на определенной взаимной симпатии японцев и российских народов, проявления которой так или иначе наблюдаются в представленном исследовании. Со стороны японцев это нередко происходит вопреки правительственной идеологической машине, выдвигающей к России претензии в связи с «отторжением» северных территорий.

Приводя некоторые особенности отношения жителей Байкальского региона к японцам, представим данные, свидетельствующие об «ответной» реакции. В ряде публикаций мы уже демонстрировали результаты исследования по методике семантического дифференциала, где выявлялось отношение японцев к россиянам в целом и непосредственно к «байкальчанам» – жителям Байкальского региона. Оценка

респондентами самих себя и представителей других этносов осуществлялась на основе 15 полярных качеств по шкале от +3 до –3. Повторим некоторые оценки, полученные в исследовании (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Оценка японцами качеств «россиянина» и «байкальца»

Оцениваемые качества	Байкалец	Россиянин	Разница
Трудолюбивый	1,36	0,14	1,22
Агрессивный	–0,57	0,56	–1,13
Откровенный	1,60	0,53	1,07
Тактичный	1,55	0,64	0,91
Добрый	1,92	1,53	0,39
Общительный	1,70	1,31	0,39

Скорее всего, существенные, статистически значимые различия можно объяснить рядом причин: «байкалец» ближе к японцам по месту своего проживания, чем «россиянин» из центральных регионов; «байкалец» в своей родословной смешан с азиатскими народами Сибири или является их неповредственным представителем, к тому же «байкалец» обитает в весьма уникальном для почитающего природу японца месте. Вместе с тем по ряду необязательных для ситуативного межэтнического взаимодействия характеристик (оригинальный, веселый) байкалец отстает от россиянина.

Рассматривая причины негативных оценок в стереотипах азиатов, важно отметить, что аналогичное отношение складывалось и у «противной стороны» – европейцев – по отношению к разного рода «желтым», «черным» и иным расам. При этом ненависть даже в просвещенном XX в. подогревалась идеологическими факторами. О. Шпенглер в своей работе «Человек и техника», проявляя свой негативизм к «цветным», обобщает: «Под “цветными” я подразумеваю и жителей России, а также части Южной и Юго-Восточной Европы» [7. С. 494].

По Шпенглеру, первопричиной возвеличения цветных стало раскрытие белыми для других своих величайших сокровищ – технических знаний, которые приводили в «изумление индийцев и японцев». Все это делалось и посредством «рассеивания промышленности» цивилизованных европейцев ради увеличения доходов, путем приближения производства к потребителю и приводило к утере западными народами своих социально-экономических и научно-технических преимуществ. «Непременные привилегии белых народов промотаны, растрочены, преданы. Их противники могут достичь того же или даже превзойти свой образец с помощью хитрости цветных рас и перезрелого интеллекта древнейших цивилизаций» [Там же. С. 491]. И надо подчеркнуть, что в условиях противоборства восточных и западных экономических систем такие взгляды могут усугубляться.

Суммируя ряд приведенных фактов и размышлений, тезисно выделим основные особенности, которые важно учитывать, намечая стратегию взаимодействия с представителями азиатских этносов, стремясь формировать оптимальную межкультурную компетентность.

1. Несмотря на более значительный вес населения данных стран в экономическом и демографическом плане, в мире имеется значительно меньше информации, раскрывающей их особенности: пропорция заметно смещена в сторону европейских культур и ценностей. При этом в традиционных академических работах (Г. Лейбон, В. Вундт и др.) азиатские народы в иерархии народов мира занимают отнюдь не престижные позиции и их общие стереотипы зачастую включают в себя ряд негативных оттенков.

2. Современный «среднестатистический» азиат преодолел комплекс неполноценности, долгое время стимулируемый европейцами, и быстрыми темпами идет вперед в научно-техническом и экономическом плане, кое-где даже забегая вперед западных технологий. При этом большинство азиатских стран не хотят расставаться со своими давними идеалами, традициями, ценностями, противопоставляя их суррогатам западной массовой культуры. Исходя из последних фактов, азиатские народы не приемлют во взаимодействии с собой любого рода нотаций и менторского тона о необходимости шире обращаться к европейским ценностям. Для них чрезвычайно важно, чтобы Запад понял специфику и значение их традиций: не лучше, но и не хуже европейских.

3. Стремление России все больше интегрироваться в экономическую, политическую и т.д. жизнедеятельность стран АТР требует «настройки» соответствующих механизмов, что весьма трудно сделать без формирования межкультурной компетентности основных субъектов, вовлеченных в данный процесс. В первую очередь формировать МК необходимо у подрастающего поколения.

4. Наиболее частые и значимые контакты с представителями стран АТР будет иметь население восточных регионов России, и им прежде всего надо готовиться к соответствующим контактам. Важно иметь в виду, что у аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока имеются не только общие психогенетические связи с населением ряда стран АТР, но и наличествуют близкие традиции и ценности в социальных и религиозных сферах. Все это может стать важным ресурсом при формировании МК.

Литература

1. *Берри Д. и др.* Кросс-культурная психология. Исследование и применение. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
2. *Босрок М.* Бизнес по-азиатски: обычаи и деловая этика. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 266 с.

3. Залевский Г.В. К проблеме психологии инновационного поведения и его барьеров // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 7–11.
4. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М. : Институт психологии РАН, 2010. 480 с.
5. Ключников С. Пустота психологии и психология пустоты // Говинда А. Психологическая позиция философии раннего буддизма согласно традициям абхидхаммы. М. : Беловодье, 2007. 224 с.
6. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. С. 454–494.
7. Юнг К.Г. Тибетская книга мертвых: Психологический комментарий. М. : ЭКСМО, 2010. С. 7–37.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE, ORIENTED ON THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION
Karnyshev A.D. (Irkutsk)

Summary. Tendency of Russia to be more integrated in economic, political etc. activities of countries of Asian-Pacific region requires adjustment of certain mechanism, that is quite difficult without forming of intercultural competence (IC) of main subjects that are involved in the process. Firstly the growing up generation should acquire skills of IC. Population of eastern regions of Russia will have the most frequent and important contacts with representatives of countries of Asian Pacific region and they first of all should be ready for such kinds of contacts. It is very important to keep in mind that indigenous people of Siberia and the Far East have not only common psychogenetic relations with population of countries of Asian Pacific region but also they have similar traditions and values in social and religious spheres. All mentioned above may become the major resource for forming of IC.

Key words: cross-cultural interaction; difference between cultures of East and West; indigenous people of Siberia.